

— Если есть пары — иди на пары, нет — можешь приходить сюда. Десять юаней в час, расчет в конце месяца. Если всё устраивает, то удачного нам сотрудничества.

Линь Нянь: — Ха-ха-ха, без проблем, без проблем, удачного сотрудничества!

Хэ Куньюй: — ...

Мо Ицяо прищурился, улыбаясь: — Сегодня суббота, я могу приступить к работе прямо сейчас.

Мо Ицяо начал готовиться к своей трудовой жизни, а Линь Нянь, увидев, что его лучший друг пристроен, тут же махнул рукой и убежал. Его ждал бесценный опыт, который сам себя не наберет!

Хэ Куньюй повел Мо Ицяо вглубь помещения: — Работа на самом деле простая. У тебя есть коллега, Хань Ци, она тоже из Университета Х., но сегодня отпросилась.

Мо Ицяо, следуя за Хэ Куньюем, сделал несколько шагов, повернул голову и увидел Дун Юймо, который стоял к ним спиной. Его худощавая фигура показалась Мо Ицяо смутно знакомой.

— Это тот самый преподаватель курса музыкальной теории из Университета Х., о котором говорил Линь Нянь. Он мастерски владеет музыкальными инструментами и древней поэзией, а еще он наш мастер по ремонту инструментов, — Хэ Куньюй очень любезно представил его, заметив, что взгляд Мо Ицяо упал на Дун Юймо.

— Дун-Дун — преподаватель курса музыкальной теории в Университете Х.? — удивилась Гу Шивэнь, сидевшая в кресле, после того как Хэ Куньюй закончил фразу.

Хэ Куньюй с улыбкой кивнул: — Да, именно так.

Гу Шивэнь сжала руки и не удержалась, чтобы еще раз не взглянуть на Дун Юймо: — Вот как... Похоже, у него всё хорошо...

Мо Ицяо, глядя на мягко улыбающегося, но внимательно наблюдающего за всем Хэ Куньюя, на слегка растерянную Гу Шивэнь и сосредоточенного на работе Дун Юймо, сохранял невозмутимую улыбку. Похоже, он наткнулся на нечто весьма интересное.

— Всё готово.

Пока Мо Ицяо с любопытством наблюдал за Гу Шивэнь, Дун Юймо закончил работу. Он протянул инструмент обратно девушке: — Всё в порядке, можете рассчитаться у стойки.

Гу Шивэнь приняла инструмент и, глядя на Дун Юймо, в чертах лица которого сквозила мягкая элегантность, тихо произнесла: — Прости... я...

Дун Юймо покачал головой, прерывая её: — В любом выборе нет понятия правильно или неправильно. Вы не должны мне извиняться, так что не стоит.

Гу Шивэнь сжала инструмент так, что побелели костяшки пальцев: — Дун-Дун...

Дун Юймо снова покачал головой, не давая ей договорить, и повернулся в сторону лестницы: — Прошлое как дым — давно рассеялось. Я еще не привел в порядок книги наверху, так что поднимусь.

Гу Шивэнь смотрела на Дун Юймо, поднимающегося по лестнице, и её глаза затуманились: — Дун-Дун... мы расстались с ним почти сразу... я...

Она не успела договорить, как лицо всегда мягкого и учтивого Хэ Куньюя помрачнело: — Ты Гу Шивэнь!?

Если кто-то в этом мире и хотел сжить со свету Дон Чиле, то Хэ Куньюй и Е Сяосяо поставили бы его на первое место, а Гу Шивэнь определенно заняла бы второе.

— Ты помнишь меня?

Хэ Куньюй навис над ней, источая холод: — Ты Гу Шивэнь!?

— Да... — Гу Шивэнь, погруженная в воспоминания, вздрогнула от гневного голоса Хэ Куньюя.

Хэ Куньюй всегда был мягким и безобидным, и его нынешний суровый вид заставил Дун Юймо остановиться: — Брат Юй?

Хэ Куньюй, не отрывая ледяного взгляда от Гу Шивэнь, отчеканил: — Дун-Дун уже сказал: в самом выборе нет ошибки. Когда вы делали свой выбор, вы должны были знать, к каким последствиям это приведет.

Гу Шивэнь почувствовала, как по спине пробежал холодок: — Я просто...

Хэ Куньюй усмехнулся: — Просто что? Просто думаешь, что если признала ошибку после того, как совершила её, то тебя должны простить? С чего бы такая самоуверенность?

Слова Хэ Куньюя были беспощадны. Гу Шивэнь смотрела на спину Дун Юймо, её глаза покраснели: — Всё не так...

— О? А как же? Если бы ты рассталась с тем подонком не вскоре после того случая, а вскоре вышла бы за него замуж и зажила счастливой жизнью принца и принцессы, ты бы всё еще считала свой выбор ошибкой?

Гу Шивэнь посмотрела в сторону Дун Юймо, открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Хэ Куньюй закатил глаза: — В те времена, живя в своем счастливом замке, помнила бы ты вообще, кто такой Дун Юймо? Понимала бы, что твое счастье на самом деле — это нож, воткнувший в сердце Дун-Дуна?

Гу Шивэнь молчала.

Хэ Куньюй холодно рассмеялся: — Плакать о том, что выбор был неверным, только когда не можешь нести последствия — это лицемерие.

Когда мягкий и безобидный человек начинает язвить, никто не в силах его остановить. Гу Шивэнь была настолько подавлена словами Хэ Куньюя, что не могла вымолвить ни слова.

Дун-Дун? Дун Мо? Дун Юймо? Дун Мо Кань Хуа?

Мо Ицяо, который всё это время молча наблюдал за представлением, уловил суть. Поняв всё, он поднял голову и посмотрел на лестницу. Дун Юймо в повседневной одежде стоял к нему спиной, опершись на перила, и слегка опустил голову. Мо Ицяо не видел его лица, но эта худощавая фигура казалась такой одинокой.

Мо Ицяо отвел взгляд и посмотрел на Гу Шивэнь рядом с собой. Тонкие черты лица, стройная фигура. Гу Шивэнь, как и следовало из её имени, обладала утонченным темпераментом благородной девицы. Сейчас эта красавица была в слезах, и по идее должна была вызывать жалость, но Мо Ицяо это зрелище было неприятно. После того как он увидел естественную, непринужденную элегантность Дун Юймо, на Гу Шивэнь смотреть было попросту противно.

— Сейчас уже десять часов. Ты уверена, что тебе не нужно поправить макияж и ехать на свою передачу? — Хэ Куньюй, глядя на жалкую Гу Шивэнь, вдруг потерял всякий интерес к разговору.

Гу Шивэнь посмотрела на спину Дун Юймо: — Прошлое как дым. Хорошо, что ты забыл те неприятные моменты. Я пойду.

Сказав это, она развернулась и пошла к выходу из магазина.

— Прошу прощения, красавица, вы уходите, не расплатившись? — видя, что Гу Шивэнь собирается сбежать, Мо Ицяо не спеша подал голос.

Его звонкий голос разнесся далеко, и прохожие на улице начали оглядываться. Гу Шивэнь, уже сделавшая шаг за порог, мгновенно оказалась в центре внимания. Запнувшись, она под взглядами прохожих повернулась, покраснела и вернулась к стойке, чтобы рассчитаться с Хэ Куньюем.

Расплатившись, она пробормотала извинение и поспешно ушла.

Глядя на её суетливую спину, Хэ Куньюй похлопал Мо Ицяо по плечу: — У тебя нет с ней никаких счетов, почему ты так не по-джентльменски с ней обошелся?

Мо Ицяо улыбнулся: — Жалость нужно приберегать для тех, кто её достоин.

Хэ Куньюй посмотрел на красивые черты лица и глубокие черные глаза Мо Ицяо и одобительно кивнул: — Неплохой парень.

В глазах Мо Ицяо появилась улыбка: — Спасибо, босс.

Дун Юймо, стоявший наверху, посмотрел на двоих у стойки, усмехнулся и продолжил путь. Прошлое как дым: проплыло мимо — и рассеялось.

Услышав шаги, Мо Ицяо поднял голову, но успел заметить лишь светло-серые подошвы обуви Дун Юймо. Когда они скрылись из виду, Мо Ицяо спросил Хэ Куньюя: — Наверху студия учителя Дуна?

Хэ Куньюй сел в кресло и продолжил смотреть телевизор: — Второй этаж? Там всё для каллиграфии и комната отдыха. Ваш учитель Дун, когда свободен, упражняется там в письме. Ах да, я сегодня успел прибраться только на первом этаже, на втором еще нет. Иди помоги своему учителю.

Мо Ицяо приподнял бровь: — Хорошо.

Магазин занимал два этажа общей площадью почти 300 квадратных метров. На первом этаже продавались инструменты, а за стойкой находилась лестница, ведущая наверх. Всё здесь было пропитано атмосферой старины и спокойной красоты.

Мо Ицяо начал подниматься. Через несколько шагов в воздухе разлился тонкий аромат туши, и чем ближе он был ко второму этажу, тем отчетливее становился запах.

Лестница вела прямо на второй этаж. Он был таким же по площади, как и первый, но если внизу было просторно, то здесь всё было плотно заставлено. Напротив лестницы пролегал коридор: с одной стороны ряды книжных полок, с другой — столы. В конце коридора виднелась отдельная комната в античном стиле. Дверь была открыта, но внутри никого не было.

Мо Ицяо остановился у лестницы и огляделся. Античный интерьер, свежий аромат туши и ощущение покоя создавали иллюзию, будто он переместился во времени.

— Это брат Юй прислал тебя помочь? — пока Мо Ицяо искал глазами Дун Юймо, тот сам показался из-за книжной полки.

Мо Ицяо посмотрел на красивое лицо Дун Юймо и кивнул: — Да.

Дун Юймо поставил книгу на полку: — Не нужно помогать, я сам справлюсь.

Глядя на худощавую спину Дун Юймо, Мо Ицяо вдруг вспомнил фразу Дун Мо Кань Хуа: «Прикрываясь любовью к нему, принимать и ублажать тех, кого любит он — это жалко, независимо от того, искренне это или нет». Эти слова были сказаны твердо и бескомпромиссно — сразу видно, что человек не терпит фальши. Судя по тому, что он только что видел, Дун Юймо действительно был таким чистым человеком. Может быть, Дун Юймо и есть Дун Мо Кань Хуа?

— Учитель, можно мне график занятий? Я хотел бы прийти послушать.

Дун Юймо, который ходил между полками, поправляя книги, удивленно обернулся: — М?

Мо Ицяо, глядя в черные глаза Дун Юймо, улыбнулся: — Мне очень нравится древняя литература и музыка, хотелось бы послушать лекции.

Дун Юймо моргнул, его темные глаза постепенно сфокусировались: — О, это ведь ты проходил мимо офиса в административном корпусе в тот день?

Глядя на слегка растерянный вид Дун Юймо, Мо Ицяо почувствовал зуд в руках: — Учитель помнит меня? Я живу с другом детства в жилом комплексе напротив Университета Х.

Дун Юймо кивнул: — Хорошо, подожди минутку, я дам тебе свое расписание.

Глядя на Дун Юймо, Мо Ицяо вспомнил недавний скандал, и улыбка в его глазах постепенно погасла. Как можно было причинить боль такому мягкому и чистому человеку?

Комната на втором этаже была личной зоной отдыха Дун Юймо. Когда не было пар, он готовился к занятиям именно здесь. В комнате почти всё принадлежало ему, и всё было расставлено очень аккуратно, как и сам хозяин — чисто и опрятно.

Через две минуты Мо Ицяо получил расписание.

— Я хочу попрактиковаться в каллиграфии, иди вниз, помоги брату Юю.

Всучив расписание Мо Ицяо, Дун Юймо начал его выпроваживать. Мо Ицяо убрал бумагу и решительно отступил: — Приду позвать вас на обед.

Мо Ицяо ушел, а Дун Юймо сел за стол и посмотрел на разложенную рисовую бумагу. Его взгляд был расфокусирован. Он никак не ожидал снова увидеть Гу Шивэнь — девушку, которую хотел бы видеть меньше всего на свете.

— Воспоминания —

Он, кажется, любит мужчин. К такому выводу Дун Юймо пришел после первой встречи в реальности с Гу Шивэнь и Дон Чиле. Потому что весь тот день взгляд Дун Юймо был прикован к Дон Чиле. На самом деле, Дон Чиле нельзя было назвать красавцем, его черты лица были лишь правильными, но в его движениях была какая-то магия, заставлявшая Дун Юймо смотреть на него. Иногда Дон Чиле ловил его взгляд и поворачивался, встречаясь с ним глазами. Эти глаза, светящиеся мягкой улыбкой, заставляли сердце Дун Юймо биться быстрее без всякой причины. Тогда Дун Юймо было 17, и он не мог понять, было ли это ускоренное сердцебиение восхищением или любовью.

Не понимая, он начал мучиться сомнениями. Но мучился недолго, потому что Дон Чиле признался ему в чувствах. Дун Юймо помнил: в первом семестре одиннадцатого класса, когда листья начали желтеть, Дон Чиле вдруг признался и начал ухаживать за ним. Дон Чиле был очень нежным, и даже через интернет Дун Юймо чувствовал эту искреннюю заботу. Ничье сердце не сделано из камня. Под напором ежедневных звонков с вопросами о самочувствии Дун Юймо постепенно открылся и действительно полюбил Дон Чиле. Подросток Дун Юймо, еще не умея отличать любовь от восхищения, был соблазнен этим хитрым лисом.

Гу Шивэнь чутко уловила перемены между ними, и, узнав правду, даже улыбнулась и благословила их. Дун Юймо, чьи чувства взаимны, а друзья поддерживают, полностью открыл сердце и принял Дон Чиле. Затем у них начался бурный роман на расстоянии. Да, на расстоянии. Из-за учебы и большого расстояния между городами они не могли часто видеться. Строго говоря, это был интернет-роман? Ведь познакомились они в сети, а в реальности почти не виделись.

Однако в эту виртуальную любовь Дун Юймо вложил всю свою страсть и стопроцентную искренность. Будучи искренним, он мечтал о долгой жизни вместе. Думая о будущем, он задумался о браке. А для брака нужно благословение родных. И тогда Дун Юймо совершил каминг-аут перед родителями и подругой детства Е Сяосяо.

Двенадцатый класс, интернет-роман, каминг-аут. Эта новость была как бомба, взорвавшая семью Дун Юймо. Когда он сказал, что любит мужчину и хочет жениться, родители были ошеломлены. Вспыльчивый отец в ярости избил его до полусмерти и выгнал из дома.

— У меня нет такого сына, ни то ни сё! — кричал отец, пока избитый Дун Юймо стоял на коленях на пороге.

Позже приехала Е Сяосяо, отвезла его в больницу и каждый день дежурила у постели. Сначала приходила мать, она дала ему банковскую карту.

— Сынок, в мире столько хороших девушек, почему ты выбрал мужчину? Не вини отца, он полжизни жил с высоко поднятой головой, для него эта новость — конец света. Дай ему время. Если можешь измениться, изменись...

Дун Юймо до сих пор помнил эту тяжелую горечь в сердце, когда слышал эти слова. Но он чувствовал, что больше не может измениться. В начале знакомства с Дон Чиле — может быть, но после того, как он так сильно вложился, он не мог отпустить. Он так и сказал. В конце концов мать разочарованно покинула больницу, потом иногда звонила, но почти не навещала.

С тех пор Дун Юймо понял: родители не могут принять факт его ориентации. Только способы отказа были разными: отец был вспыльчив и хотел сломить его насилием, мать не могла вынести этого, но хотела заставить его одуматься холодом. Однако Дун Юймо был слишком упрям. Сын не хотел отступать, родители не хотели принимать — так они и зашли в тупик.

Дун Юймо, отвергнутый родителями, держался за обещание Дон Чиле, чувствуя боль, но находя утешение. Однако реальность всегда жестока. Услышав о каминг-ауте, Дон Чиле начал избегать его. Не брал трубки, не отвечал на сообщения. Первый раз — занят, второй — очень занят, третий — просто не хочет отвечать. Вскоре Дун Юймо узнал от общих друзей по поэтическому клубу, что Гу Шивэнь начала преследовать Дон Чиле, и через несколько дней они уже были вместе.

Как же печальна правда.

— Ты просишь слишком многого, я не могу дать этого. Мужчина и мужчина — это только мимолетная связь, не может быть никакой любви, к тому же у нас даже мимолетности не было. Дун-Дун, ты слишком серьезен.

Это сказал Дон Чиле, когда Дун Юймо после выписки заблокировал его в университете Б. Дун Юймо уже не помнил выражения лица Дон Чиле в тот момент. Насмешка? Беспомощность? Печаль? Он не мог вспомнить — может, потому что забыл, а может, потому что его мозг в тот момент был пуст.

Вернувшись из университета Б, Дун Юймо продолжил учиться, как будто ничего не произошло. Хотя внешне ничего не изменилось, его постепенно остывающие глаза говорили

обо всём. Разве такая глубокая рана может не оставить следов!?

Е Сяосяо, как подруга, была в ярости, готова была зубы стереть! Если бы Дун Юймо не сказал, что он того не стоит, она бы сама поехала в город Б и надавала бы Дон Чиле пощечин. Дун Юймо не был человеком, который вечно оплакивает прошлое: упал — встал и пошел дальше, не каждая дорога в грязи.

Прошло уже несколько лет. Если бы не внезапное появление Гу Шивэнь, Дун Юймо не стал бы так серьезно вспоминать прошлое. Время шло, воспоминания были отчетливы, но боль затянулась. Шрамы остались уродливыми, но уже не болели так невыносимо, как вначале. Время — лучшее лекарство, и это правда.

Расстались — и забыли, прошлое в прошлом.

Дун Юймо посмотрел на рисовую бумагу, поднялся и взял кисть. Восемь иероглифов были выведены легко и плавно, на одном дыхании. Глядя на слова и вспоминая извинения Гу Шивэнь, последнее упрямство в сердце Дун Юймо тихо угасло. Прошлое в прошлом, что еще стоит того, чтобы о нем спорить?

— Учитель, я купил еды, можно обедать.

Когда Дун Юймо отложил кисть, у лестницы послышался голос Мо Ицяо.

Дун Юймо выдохнул, повернулся и слегка улыбнулся: — Спасибо за труд. Сейчас приду.

Сбросив с плеч многолетний груз, он словно бабочка, выбравшаяся из кокона. Сейчас Дун Юймо был менее одиноким, более спокойным и естественным, в каждом его движении сквозила легкость. Е Сяосяо говорила, что Дун Юймо — холодный красавец. И правда, он был очень красив — той чистой и свежей красотой, на которую приятно смотреть. Красивый мужчина с несравненным изяществом, одаривший мир освобожденной улыбкой — это было ослепительно.

Мо Ицяо, застигнутый врасплох, был очарован, его душа словно вылетела из тела, хотя сам он этого не осознавал. Дун Юймо, опустивший голову, чтобы прибраться на столе, не заметил восхищенного взгляда Мо Ицяо, как и его на мгновение растерянных глаз.

Середина октября в городе Х: утром и вечером прохладно, а днем всё еще немного жарко.

<http://bllate.org/book/19409/1900766>